

УДК 81`27

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-138-152

Хеджинг как общесемиотическое явление

Валерий З. Демьянков

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,

vdemiank@mail.ru

Аннотация. А.Н. Барулин был замечательным исследователем, оставившим яркий след в установлении коммуникативных свойств человеческого праязыка. Эта реконструкция методически отличается от обычной реконструкции праязыка, поскольку не основана на прямом наблюдении над языковыми выражениями. Фонетическое и грамматическое описание первых человеческих языков поэтому невозможно. Однако наблюдения над реальными коммуникативными системами человека и животных, зафиксированными в истории, позволяют исследователям продвинуться и в этой области. Одним из интересных элементов таких коммуникативных систем являются «загородки» как в вербальном, так и в невербальном поведении носителей различных языков мира: благодаря этим элементам мнения и знания передаются от человека к человеку не как прямые суждения, а при «аккомодации» к контексту коммуникации. Рассматриваются некоторые свойства хеджинга, осуществляемого с помощью лексических единиц класса «возможно» и «вероятно», во взаимодействии с грамматическими средствами (время, наклонение и отрицание) в русском языке и за его пределами.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, коммуникативные системы человека и животных, «загородка», аккомодация дискурса, возможность и вероятность, манипулирование мнениями

Для цитирования: Демьянков В.З. Хеджинг как общесемиотическое явление // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 138–152. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-138-152

Hedging as a general-semiotic phenomenon

Valery Z. Demyankov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, vdemiank@mail.ru*

Abstract. Alexander Barulin's most notable results have to do with the communicative aspects of the human protolanguage. This kind of research differs from the conventional reconstructions of proto-languages because it cannot rely on material traces left by ancient humans, and the linguistic structures properly speaking are hardly available. Thus, linguists cannot put forward a description of phonetic and grammatical systems of the languages of the first humans. Instead, conjectures are usually made based on the etological-communicative studies of animal behaviour. Following Alexander Barulin, animal communication displays certain signs analogous to 'hedges', whose main function consists in accommodating information conveyed as a sort of 'goods' in communicative 'exchange'. Hedges of "possibly" vs. "probably" types belong to linguistic techniques extensively used both in West-European and in Russian discourses. Lexical properties of such hedges interact with grammatical and pragmatical categories of tense, mood, and negation.

Keywords: cognitive linguistics, animal and human communicative systems, hedge, discourse accommodation, probability vs. possibility, opinion manipulation

For citation: Demyankov, V.Z. (2023), "Hedging as a general-semiotic phenomenon", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 138–152, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-138-152

1. Введение

В сектор теоретического языкознания А. Барулин как-то зашел, чтобы посоветоваться с Ю.С. Степановым об издании книги по происхождению языка, см. [Барулин 2002]. Это сотрудничество оказалось очень плодотворным и для сектора, и для самого Саши. Плюс к тому у нас с Александром Николаевичем было «общее прошлое»: мы с ним проучились в университете за одной партой начиная со второго курса и даже привыкли разговаривать между собой в том полусерьезном, ироничном регистре, который был так свойственен В.А. Звегинцеву, основателю нашей кафедры и Отделения структурной и прикладной лингвистики, нашему общему научному кумиру студенческих лет: «Ну что, товарищи студенты, Гумбольдт-то голова?» – «Голова, Владимир Андреевич, ой как

голова!» – «А Хомский?» – «Тоже голова». И какими же едкими были замечания по поводу тогда еще живых коллег в книгах В.А. Звегинцева, вышедших уже после того, как мы окончили университет! Конечно же, эти замечания были иронией, наш любимый профессор таким образом, дистанцируясь от общепринятых взглядов, показывал и уязвимые места в трудах своих современников, и справедливость непривычных положений (как в теории дискурса), которым пророчил научное будущее. Его ирония была проявлением досады: ну почему, казалось бы, такому простому явлению нет столь же простого объяснения?

Интерес к проблеме происхождения и развития языка не покидал Сашу всю жизнь, кажется, с того момента, когда ему в руки попала книга А.А. Леонтьева «Происхождение и первоначальное развитие языка» [Леонтьев 1963], которую я совершенно случайно незадолго до нашего знакомства «нарыл» в киоске Пушкинского музея.

Коммуникативный аспект происхождения языка, которым А.Н. Барулин занимался наиболее плодотворно, выглядит как постоянная адаптация уже имеющихся у животных предпосылок, физиологических и коммуникативных задатков к условиям существования предков человека с их новыми потребностями. Одним из направлений этой адаптации были приемы несерьезной, небуквальной подачи сообщений, которые в обычном случае, предположительно, должны были восприниматься «по номиналу». Далее попытаемся проследить траекторию такого исследования и показать, что одна из проблем лингвистической прагматики – хеджинг как «остранение» говорящего от прямой передачи смысла высказывания – представляет собой адаптацию высказывания к условиям общения, выросшую из одной из семиотических техник прачеловеческой коммуникации. Но человеческий хеджинг креативен, опирается не на «закрытую» коммуникативную систему, а открытую для всевозможной креативности. Поэтому не менее справедливо было бы сказать, что хеджинг аккомодирует высказывания, придавая им ценность в том окружении, которое в них нуждается, и снимая с повестки дня, когда такая необходимость не очевидна.

2. Физиология речи и движение в семиотике коммуникации

Проблема происхождения языка выделяется на общем фоне лингвистической проблематики своей разнородностью, причем наименьшую роль здесь играет чисто языковедческий анализ

какого-либо конкретного языка. Вот если бы у нас была счастливая возможность понаблюдать самый первый на земле человеческий язык, умение обращаться с языковым материалом нашло бы себе самое лучшее применение. Но нет у нас в наблюдении самого первого человеческого языка, мы даже не можем с полной уверенностью сказать, какие части речи и какие фонемы в нем были. И даже как на этом языке назывались домашние тапки (добавлял Саша фразу И.А. Мельчука).

Наибольшее число косвенных показаний предоставляют нам археология и наблюдения над синхронным устройством коммуникативных систем человека и животных, исчерпывающе полный анализ дан в выдающейся по полноте и глубине работе [Бурлак 2019]. Строя свои теории, лингвисты исходят из принципа целесообразности человеческого поведения, в частности коммуникативного. Например, предполагается, что даже загадочные изменения коммуникативной системы всегда целесообразны, нужно только выявить их скрытую цель: «Одной из самых больших загадок в теории глоттогенеза является переход от закрытых звуковых коммуникативных систем наших обезьяньих предков к открытым. Дело в том, что известные звуковые коммуникативные системы (далее – ЗКС) наземных млекопитающих передаются генетическим путем, хотя некоторый элемент обучения при овладении ими все же имеется. Набор звуковых сигналов у одного и того же вида существенно не расширяется, и в этом смысле ЗКС и были названы закрытыми. Человеческий же язык представляет собой открытую коммуникативную систему, транслируется из поколения в поколение путем обучения, как обязательный инструмент полноценной социализации субъекта, хотя предрасположенность к овладению языком у человека, по общему мнению специалистов, является врожденной» [Барулин 2012, с. 33].

В этом ключе объясняется и история синхронизации вербальных и невербальных действий, в ходе которой человек не только приобрел новые навыки, но и утратил некоторые способности, которыми обладали его животные предки: «Ротовая полость исполняет две конфликтующие друг с другом функции: дыхательную и глотательную. Поскольку глотание и дыхание взаимно исключают друг друга, ларинкс играет центральную роль как входное отверстие в дыхательный тракт. Когда кусок пищи проталкивается языком в фаринкс, вступает в действие автоматический глотательный рефлекс. С запуском программы этого автоматического действия дыхательное горло мгновенно перекрывается. Детеныши многих видов млекопитающих и взрослые особи некоторых из них могут одновременно пить и дышать, грудные дети также наделены этой

способностью, но у взрослых людей она отсутствует из-за низкого положения надгортанника, собственно и перекрывающего дыхательные пути во время глотания. Есть еще одна программа, которая оправдывает регулирование потока воздуха, проходящего через ларинкс. При сжатии воздушного канала в большей или меньшей степени при различных режимах дыхания давление внутри легких может быть отрегулировано. Регулировка может оказывать влияние на насыщение кислородом в то время, когда тело напрягается для совершения какой-то работы. Эти проблемы координирования глотания, дыхания и регулировки подвязочного давления и вызвали появление древних связей между центрами, управляющими моторикой таких процессов» [Барулин 2012, с. 40–41].

В таком положении дел Саша убедился, когда в студенческие годы выправлял проблемы с дыханием, с «гипервентиляцией легких», и ходил на занятия вокалом в университетском кружке. Видно здесь и влияние Н.И. Жинкина, многократно на своих лекциях у нас подчеркивавшего, что предпосылки для человеческой артикулированной речи связаны с надгортанником. Возможно, без надгортанника так бы мы и скакали до сих пор по деревьям, щебеча и не говоря ни слова по-человечески.

Иначе говоря, «материальные» предпосылки для человеческой речи складывались еще раньше возникновения чисто человеческой физиологии, они у человека приобрели свой отточенно человеческий облик, следуя поучению: «Когда я ем, я глух и нем». Этот закон ребенку и животному не писан. А взрослая человеческая речь в норме бывает на выдохе, лишь в некоторых случаях на вдохе, как междометие страшного удивления, звук неопределенного качества в русском, произносимый на вдохе, например: «О-е-!!» – *сказал скорчившийся Серегин на вдохе...* (Андрей Константинов, «Сочинитель», 2003, цикл «Бандитский Петербург – 5»). Недаром обычные духовые инструменты ориентированы на работу на выдохе, а го-лодный горнист даже и не пытается одновременно дуть и есть.

П.С. Кузнецов, у которого мы с Сашей (в разное время) слушали лекции по введению в языкознание, прекрасно показывал, что в человеке дремлет, а не умерла способность говорить на вдохе. Его тестовая фраза была: *Я могу говорить на вдохе*. Такая «презентация» в разгар лекционной плавности приводила несколько студенческих поколений в восторг. Однако почему эта способность столь редко реализуется в обыденной жизни человека? Если о ней и говорят, то лишь как о редкостном умении выражать крайнюю степень аффекта, напр.: *Охранник терпеливо слушал, ожидая, пока у Сашки кончится дыхание. Но Сашка оказался человеком уникальным, он с одинаковым успехом говорил на вдохе и на выдохе, лишь*

глаза его выпучивались (Андрей Воронин, «Слепой: Игра без козырей», 2021). А речь «почти на вдохе» – в действительности просто с минимально заметным выдохом: «*Ты... ты что?*» – *почти на вдохе спросил он* (Дмитрий Вересов, «Черный ворон», 2004). Гротескная речь «на вдохе» как нечто семиотически противоестественное – все равно что звуки и слова, переставленные в предложениях в обратном порядке: *Местами я впадал в несусветности, вдохновенно бредил, и голос мой диаметрально менялся. Я глаголил в обратном порядке, на вдохе, не – из, но – вовнутрь, отчего теснившиеся в плотном теле переживания не находили исхода и буйствовали – и душили. По той же причине революционно менялся порядок слов в моих фразах и букв – в словах: первые становились последними, последние – первыми, а средние так и оставались посредственными* (Саша Соколов, «Палисандрия», 1985).

В рамках такого «дочеловеческого» подхода вполне логичным будет искать в животном мире корни и других свойств человеческой семиотической системы, такие как небуквальность и креативность. Например, по показаниям этологии, приводимым в работе [Барулин 2012, с. 37], сигналы о том, что действия следует воспринимать в чисто игровом, небуквальном, ключе, имеются уже в животном мире: скажем, прижатые к земле передние лапы льва посылают сигнал об отсутствии агрессивных намерений, сообщая, что последующие укусы не нацелены на нанесение серьезного урона «собеседнику». Как говорится в одном рассказе: «Это я так, кокетничаю» (Михаил Зощенко, «Рассказы Назара Ильича господина Синегривова»: «Жених», 1924). Такой прямой комментарий собственных действий часто маскирует («огораживает») истинные мотивы поведения говорящего. Много недоразумений в человеческом общении возникает из-за того, что мы речь понимаем буквально там, где хотят разыграть или иронизировать.

3. «Тень на плетень»

Вводные обороты типа русских *вероятно, по-видимому, как кажется* и т. п. свидетельствуют о стремлении – искреннем или напускном – увидеть мир глазами другого человека, напр.: *Впрочем, это предположение, вероятно, слишком изысканно и сурово* (П.А. Вяземский, «Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине», 1877). Так подаются оценки того, насколько вероятно считать некоторое предположение изысканным или суровым. Такие единицы языка относят к классу implied hedges «имплицитных загоронок» [Lakoff 1972; Markkanen, Schröder 1992, p. 122];

в качестве вводных замечаний, комментариев, а не предикатов, они делают излишним спор с содержанием утверждений, сделанных не от своего лица и не для буквалистов.

Иногда два разных предисловия таких классов соседствуют в предложении, напр.: ***Возможно**, они привозили сюда какой-то груз, **вероятнее** всего – строительный лес, так как в некоторых местах на лугу валялись кучи свежих щепок* (В.П. Катаев, «Сын полка», 1944). Иногда одна из «загородок» огораживает другую, например: *А теперь это было если неосуществимо сегодня-завтра, то **возможно**, **вероятно**, если «Батрак» принесет с собой удачу* (П.Д. Боборыкин, «Василий Теркин», 1882).

Такие элементы, подобно эвфемизмам, адаптируют дискурс к нуждам «общественного мнения», а когда потребуется – и к манипулированию этим мнением. Ср.: *Волга впадает в Каспийское море* и ***Возможно**, Волга впадает в Каспийское море*. Последнее скорее внушит сомнения, чем подтвердит общеизвестную истину, что Волга-таки все еще впадает в Каспийское море. Как и фраза ***Возможно**, я тебя люблю*, нежно произнесенная в день свадьбы: так вы скорее встревожите, чем убедите в серьезности чувств. Этим *возможно* отличается от *вероятно*, придающего речи научную респектабельную гипотетичность.

Речь о возможном и вероятном эволюционирует на наших глазах. Так, истинность взглядов, в возможности которых когда-то в русской культуре лишь вежливо сомневались, сегодня без обиняков ставится под вопрос. Восклицания *Возможно ли?*, этикетные в эпоху А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, сегодня звучат старомодно, уступив место язвительным для когнитивного самолюбия и напористым: *Правда? Да ты что? На самом деле не так*. Ср.: *Я действительно не знаю, **возможно ли** было скромнее и проще отвечать; но у нас так велика привычка к рабскому молчанию, что и это письмо консул в Ницце счел чудовищно дерзким, да, **вероятно**, и сам Орлов также* (А.И. Герцен, «Былое и думы», 1856).

В общении «лицом к лицу» выразительность и драматизация усиливаются жестами и мимикой, которые на сцене обладают своими условностями. Помню, мы с Сашей зачитывались сборником статей по актерскому мастерству, изданным в начале XX в. Одна из глав была написана нашей знаменитой актрисой В.Ф. Комиссаржевской и начиналась словами: «Лицо есть седалище души». Есть лицо и у животных. Но есть и жесты. Представьте себе вопрос к любимому мужу, загулявшемуся на деловом свидании: *Леонид, **возможно ли**?* Здесь разговор без загородок, обвиняемого спрашивают, возможна ли столь суровая действительность. Лицо – эдакое разъяренное седалище души – выражает реквизитное страдание, одна

рука согнута в знаменитом «жесте Комиссаржевской», а в другой – мысленно – сковородка возмездия. Причем ко лбу прикасается тыльная часть руки, означая: «Это я так возвышенно – как балерина на пуантах, а не по-бытовому – переживаю». Ладонь, прижатая ко лбу, говорила бы просто о том, что голова болит. Однако и сама фраза *возможно ли*, и мимико-жестовый конвой сразу же опознаются как не от мира сего. Человек не остановился на сигнале животной несерьезности, а развил целую коммуникативную систему условностей театрального представления, без которой невозможно восприятие театра, даже самого реалистичного.

4. Креативный плетень

Важнейшей областью, в которой употребляется такой плетень, является убеждение и переубеждение. В частности, назидание в виде риторического вопроса, как в примере выше. Прямые предписания диктуют адресату, что делать: *Товарищ, верь, взойдет она...* А обходные маневры – стратагемы, или «уловки» – нацелены на подрыв неблагоприятных для оратора мнений и на внедрение вместо них «своих». И для этой цели из плетня вытаскивают колья – предикаты, которые открыто используются, чтобы привить аудитории иные взгляды и поведение. Загородка выходит из собственной тени и становится предметом речи о вероятности, о возможности, о правдоподобии...

К стратагемам, подрывающим расхожие мнения, относятся эксплицитные и имплицитные сигналы сомнения, возможности и вероятности, огораживающие собственно высказывания: *Я убежден, что...* Утверждения и отрицания закутаны тогда в манящую пелену. Сигналы же сомнения и неполной уверенности используются в дискурсе как рутинно, так и креативно. С этими сигналами мы сталкиваемся и в политике, и в науке, и в обыденной жизни. Но, в отличие от эксплицитных «загородок», имплицитный хеджинг не выглядит как открытое возражение конкурирующему взгляду. Имплицитные загородки – в частности метафоры, – скрывают оценку, «таргетированно» воздействуя на отдельные участки подсознания целевой аудитории.

Креативность же – антипод вероятности и возможности: называть что-либо креативным – значит за неожиданным, почти невозможным и редко встречаемым увидеть особые старания свершить небывалое. Заодно креативная яркость позволяет отвлечь внимание от самых очевидных прорех в логике, родня пропагандиста с фокусником-иллюзионистом и с нянькой, показывающей яркую

игрушку рыдающему малышу, чтобы отвлечь его от предмета обиды, а заодно сменить ему памперсы и съесть пирожок.

Типовая адаптированность, вписанность в условия общения противостоит креативности редкого и экзотичного: чем неправдоподобнее слово в данном контексте, тем более креативно предложение с ним. Креативы, вплетаемые в речь как самоценные, а не как вспомогательные элементы, и преподносятся-то по-особому: с шутливо-ироничной интонацией, с предисловием типа *Ты не поверишь* и с тем всем знакомым кокетливым взглядом, которым, не скрываясь, окидывают слушающих слева и справа: а дошла ли находка до адресата, а вызвала ли она нужную реакцию в его ментальной «перистальтике» (как сказал бы Дж. Джойс)?

В исполнении автора текста (например, знаменитого М.М. Жванецкого) эти сопровождающие жесты мы наблюдаем значительно чаще, чем у профессионального актера, скажем, чем у А.И. Райкина, исполнявшего, как мы знаем, многие юморески, написанные М.М. Жванецким. Профессиональный актер (и этому учит нас В.Ф. Комиссаржевская, см. выше) обычно не показывает, насколько важно ему, как аудитория оценила авторский (не актерский) креатив. Но почему-то именно этой обратной связи нам так не хватает во времена «удаленки» и онлайн-конференций.

5. Языковые техники хеджинга

В русском и в некоторых западноевропейских культурах загородки класса *возможно* характеризуют физические события в отвлечении от человеческого фактора, который больше представлен в загородках класса *вероятно*, подробнее см. [Демьянков 2020]. Предположения класса *вероятно* воспринимаются как более слабые по внушительности, чем предположения класса *возможно*: мы скорее поверим тому, что нам предлагают принять как возможное (в «самодостаточных» физических пространстве и времени), чем тому, что зависит от точек зрения человека. Семантика лексем классов «невероятное» и «невозможное» лежит посередине между эксплицитным, осознанным нашим отношением и нашим же (имплицитным) подсознанием. Оценка «возможности» относится к объективистскому «внешнему» миру. «Вероятность» же говорит об ожиданиях и установках субъекта. А «правдоподобие» – оценка адекватности установки. О достоверном и о сомнительном, о возможном и о вероятном говорят не так же, как о реальности. Целый букет из нескольких разновидностей таких хеджей встречаем в одном и том же предложении в известном английском детективе: *One*

*has to accept the **impossibility** that, **unlikely** as it seems, there is someone at Sunny Ridge who is, **possibly** for mental reasons, a killer* (A. Christie, "By the pricking of my thumbs", 1968).

Эпитеты *невозможный* и *невероятный* используются и для обозначения крайней (высшей или низшей) степени совершенства. Так, *невозможная любовь* вероятно велика и страстна, напр.: *Я притворялся, я желал / Любви кипучей, **невозможной**, / Ее певал неосторожно, А сам ее не понимал* (Н.М. Языков). Ср.: *Мать считает, что мы с братом становимся **невозможными*** (Н.Н. Носов, «Тайна на дне колодца», 1978), где *невозможные дети* очень даже возможны, желанны и милы, но непослушны. А невероятное трудолюбие в высшей степени велико: *Выгоды торговли побуждали народ сей к **невероятному** трудолюбию и прилежанию и к предприятию всего того, что могло споспешествовать его торгу и кораблеплаванию* (Н.И. Новиков, «Статьи по истории и философии», 1781).

Помимо целых лексем, содержащих идею возможности и вероятности, во многих языках есть и строительные элементы для таких лексем, креативно комбинируемые в рамках одного высказывания. Можно говорить о взаимодействии различных «метакоммуникативных» техник, с помощью которых человек дает понять, что к своей речи относится остраненно и несерьезно и предлагает своей аудитории к этой речи так же несерьезно относиться.

Так, словообразовательные суффиксы типа латинского *-abilis* очень распространены в романских языках, откуда были заимствованы в германских и в русском: английское *readable* и русское *читабельный* содержат рефлекс этого суффикса прилагательных и существительных. Во многих языках (см. «Всемирный атлас языковых структур», <https://wals.info/chapter/74> и <https://wals.info/chapter/75>) есть аналогичные аффиксы не только у прилагательных, но и в словоизменительной парадигме спряжения глаголов, напр., *-hat-* в венгерском: *olvasható* «(легко) читаемый», *olvashatom* «могу читать», напр.: *Most már bevallhatom...* «Сейчас уже могу признать...» (Ady E., "Összes prózai művei").

Еще большую грамматикализацию демонстрируют в романских языках придаточные предложения в «субьюнктиве» при предикатах, выражающих неуверенность: на русский они очень часто переводятся в индикативе, а не в сослагательном наклонении. Так, в испанских фразах *no creo que sea* «не уверен, что...» и *dudo que sea* «сомневаюсь, что...» глагол *ser* «быть» в придаточном предложении стоит в форме предположительного наклонения (*sea*), а не в индикативе (*es*). Ср.: *No creo que **sea** posible usar la ruta de los bandidos* «Не думаю (буквально: не верю), что возможно (в оригинале

глагол *быть* в субъюнктиве «было бы возможно») воспользоваться маршрутом бандитов» (Isabel Allende, “El Reino del Dragon de Oro”, 2004). Зато именно индикатив употребляют, выражая уверенность: <...> *creo que no es posible...* «думаю, что невозможно» (буквально: «верю, что не есть возможно», а не «не было бы возможно») (J.J. Benítez, “Caballo de Troya: 4, Nazaret”, 1989), подробнее см. [Демьянков 2021, с. 22].

Иногда наблюдаем интересное взаимодействие субъюнктива с отрицанием. Так, во французском после предиката опасения и/или предостережения отрицание главного предиката придаточного предложения может соответствовать в русском переводе как отрицательной, так и положительной форме, ср.: *eh bien, messieurs, je crains que, dans l'avenir, la constitution que vous discutez ne soit moralement amoindrie* (V. Hugo, “Pour la liberté de la presse et contre l'état de siege”, 1848) «что ж, господа, я **боюсь**, что в будущем конституция, которую вы обсуждаете, **будет** морально ослаблена». Во французском оригинале перед глаголом в субъюнктиве настоящего времени *soit* (только условно на русский переводимой формой прошедшего времени с частицей *бы*) «было бы» есть отрицательная частица *ne*, не сопровождаемая отрицательной частицей *pas*. Употреблению так называемого «избыточного» отрицания (*le ne explétif*, в англоязычных работах *expletive negation*) в придаточном предложении при предикатах класса *craindre, appréhender* и т. п. «бояться» посвящалось и посвящается много сил и упражнений по французскому языку в школах и гимназиях, а также обширная литература, см., например, [Jin, Koenig 2020]. Типовой пример *Je crains qu'il (ne) soit trop tard* представляют при этом как случай, когда от наличия или отсутствия *ne* смысл предложения и перевод на русский язык не меняются: «Боюсь, что слишком поздно» (а не «Боюсь, что не слишком поздно»). В таком случае отрицания нет в результирующем переводе на русский. Буквальный перевод вышеприведенного предложения из В. Гюго звучит как «была бы морально ослаблена», а не «не была бы морально ослаблена». Форма будущего времени в русском переводе дает лишь отдаленное представление о нереализованной возможности в настоящем. О выделении и разграничении «апрехензивов» (термин из работы [Плунгян 2004, с. 17] со значением «опасение говорящего по поводу возможности наступления нежелательной, с его точки зрения, ситуации») и «превентивов» («побуждение к действию, которое могло бы устранить нежелательный эффект»), а также о взаимодействии их с отрицанием в различных языках мира см. [Добрушина 2006]. Во французском и многих других языках эпистемическая модальность является одним из важней-

ших средств оформления апрехензива, но обладает некоторыми тонкостями, которые мы видим из сопоставления с русским.

Поэтому, возможно, галлицизм является знаменитое *Боюсь: брусничная вода / Мне не наделала б вреда* (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»). Здесь отрицание в придаточном после *боюсь* лишнее: говорящий действительно боится расстройства желудка. Ведь в современном нам русском языке предложения типа: *Боюсь, что Вася не приедет* не трактуются как опасение приезда Васи, в отличие от предложения *Боюсь, что Вася приедет*. Компромиссный вариант *Боюсь, Вася не приехал бы* тоже звучит странно. Гораздо естественнее будет *Боюсь, чтобы / как бы / кабы Вася не приехал* (даже с избыточным *бы*: *Боюсь, чтобы Вася не приехал бы*).

Это случаи, когда говорящий избегает навязывать даже себе самому мнение, от которого впоследствии не сможет отделаться. Известно, насколько «суггестивен» чужой текст, заставляющий в момент восприятия, «понимания», хотя бы на секунду поверить в его содержание. Недаром говорят: «Если не поверишь, то и не поймешь». А вот хеджинг с помощью предикатов пропозициональной установки оберегает и от прямого гипнотического воздействия чужой речи, и от самогипноза. С помощью хеджинга автор то и дело вслед за Д. Карнеги повторяет: *I may be wrong. I often am* «Я могу ошибаться, я часто ошибаюсь», – и получает прощение.

6. Заключение

Типы поведения животных, на которые указывает А.Н. Барулин, представляют собой разновидность небуквальности, характеризующей речь даже до возникновения праязыка человека. В некоторых теориях (например, см. [Мещанинов 1936], критический анализ в свете современной лингвистики см. [Алпатов 1991]) человеческий язык считают расширением, усовершенствованием невербальной семиотики, непосредственным ее потомком. Не менее разумно предположить, вслед за А.Н. Барулиным, что человеческий язык сложился как превращение закрытой семиотической системы в открытую в нескольких направлениях, среди которых – движение и физиология человека, не только расширенные, но и специализированные и/или суженные до той степени, в какой это необходимо для жизни в меняющихся условиях человеческого существования. Хеджинг, подобно речи на вдохе и «несерьезным» телодвижениям, существовал до собственно человеческого языка и сегодня опирается на свою продуктивную систему образования соответствующих знаков.

Благодарности

Главная моя благодарность – Саше Барулину, обсуждение лингвистических проблем с которым оказало на многих из нас, его ровесников, сильное влияние.

За критические замечания и очень важные предложения по доработке и усовершенствованию текста я глубоко благодарен анонимным рецензентам и особенно ответственному за выпуск номера П.М. Аркадьеву. Все эти предложения были с благодарностью учтены.

Разделы 1, 2 и 3 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделах 4 и 5, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00040) в Институте языкознания РАН.

Acknowledgements

My main gratitude goes to Sasha Barulin, the discussion of linguistic problems with whom had a strong influence on many of us, his peers.

For critical remarks and very important suggestions for finalizing and improving the text, I am deeply grateful to anonymous reviewers and especially to P.M. Arkadiev. All these suggestions were gratefully taken into account.

Sections 1, 2, and 3 of this study were funded by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19–18–00429) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The study described in sections 4 and 5 was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19–18–00040) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Литература

- Алпатов 1991 – Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
- Барулин 2002 – Барулин А.Н. Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1: Базовые понятия: Эволюционная теория происхождения языка. М.: Спорт и культура-2000, 2002. 464 с.
- Барулин 2012 – Барулин А.А. Семиотический Рубикон в глоттогенезе. Ч. 1 // Проблемы языкового родства. 2012. Т. 16. № 96. С. 33–74.
- Бурлак 2019 – Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. 2-е изд., испр. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 458 с.
- Демьянков 2020 – Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17.

- Демьянков 2021 – *Демьянков В.З.* Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности / Ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 21–99.
- Добрушина 2006 – *Добрушина Н.Р.* Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.
- Леонтьев 1963 – *Леонтьев А.А.* Происхождение и первоначальное развитие языка. М.: Наука, 1963. 140 с.
- Мещанинов 1936 – *Мещанинов И.И.* Новое учение о языке: Стадиальная типология. Л.: Прибой, 1936. 344 с.
- Плунгян 2004 – *Плунгян В.А.* Предисловие // Ирреалис и ирреальность: Исследования по теории грамматики / Ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2004. С. 9–27.
- Jin, Koenig 2020 – *Jin Y., Koenig J.-P.* A cross-linguistic study of expletive negation // Linguistic Typology. 2020. Vol. 25. No. 1. P. 39–78.
- Lakoff 1972 – *Lakoff G.* Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1972. Vol. 8. P. 183–228.
- Markkanen, Schröder 1992 – *Markkanen R., Schröder H.* Hedging and its linguistic realizations in German, English and Finnish philosophical texts: a case study // Fachsprachliche Miniaturen: Festschrift für Christer Laurén. Frankfurt a/Main etc.: Lang, 1992. P. 121–130.

References

- Alpatov, V.M. (1991), *Istoriya odnogo mifa. Marr i marrizm* [A history of a myth: N.Ya. Marr and the "Marrism"], Nauka, Moscow, Russia.
- Barulin, A.N. (2022), *Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya. Čast' 1. Bazovye ponjatiya. Ėvoljucionnaya teoriya proischozheniya yazyka* [Principles of semiotics. Signs, sign systems, communication. Part 1. Basic concepts. An evolutionary theory of language origin], Sport i kul'tura-2000, Moscow, Russia.
- Barulin, A.A. (2012), "Semiotic Rubicon from the point of view of glottogenesis. Part 1", *Problemy jazykovogo rodstva*, no. 96, pp. 33–74.
- Burlak, S.A. (2019), *Proischozhenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [Language origin. Facts, investigations, hypotheses], Al'pina non-fikšn, Moscow, Russia.
- Dem'yankov, V.Z. (2020), "On linguistic techniques of adapting opinitions", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 5–17.
- Dem'yankov, V.Z. (2021), "Linguistic creativity in discourses on the possible and the probable", in Zykova, I.V. (ed.) *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti*, R. Valent, Moscow, Russia, pp. 21–99.
- Dobrushina, N.R. (2006), "Grammatical forms and constructions with the meaning of fear and caution", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 28–67.

- Jin, Y. and Koenig, J.-P. (2020), "A cross-linguistic study of expletive negation", *Linguistic Typology*, vol. 25, no. 1, pp. 39–78.
- Lakoff, G. (1972), "Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts", *Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society*, vol. 8, pp. 183–228.
- Leont'ev, A.A. (1963), *Proischozhdienie i pervonachal'noe razvitie yazyka* [Language origin and first steps of language development], Nauka, Moscow, USSR.
- Markkanen, R. and Schröder, H. (1972), "Hedging and its linguistic realizations in German, English and Finnish philosophical texts: a case study", in Nordmann, M. (ed.), *Fachsprachliche Miniaturen: Festschrift für Christer Laurén*, Lang, Frankfurt a/Main etc., Germany, pp. 121–130.
- Meshchaninov, I.I. (1936), *Novoe uchenie o yazyke. Stadial'naya tipologiya* [A new approach to language. A phases-based typology], Priboi, Leningrad, USSR.
- Plungian, V.A. (2004), "Preface", in Lander, Yu.A., Plungian, V.A. and Urmančieva, A. Yu. (eds.), *Irrealis i irreal'nost'. Issledovaniya po teorii grammatiki* [Irrealis and ir-reality: studies in grammar theory], Gnozis, Moscow, Russia, pp. 9–27.

Информация об авторе

Валерий З. Демьянков, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125000, Россия, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1; vdemiank@mail.ru

Information about the author

Valery Z. Demyankov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 1-1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125000; vdemiank@mail.ru